

Прабабушка видела, что в бабушке младенца тоже есть решимость, и больше не колебалась.

— Сходи убей петуха, только молодого, чтобы еще не кукарекал, и принеси мне кровь.

— Хорошо, что-то еще нужно?

— Больше ничего. Просто выведи отсюда свою невестку, чтобы не мешала своим воем.

Старуха была крепкой, привыкшей к тяжелой работе в поле, поэтому, не говоря ни слова, она подхватила невестку и выставила ее за дверь.

Прабабушка достала из сумки бронзовую курильницу и поставила ее на стол. Курильница была миниатюрной и изящной, украшенной гравировкой в виде голов зверей, но от времени она покрылась толстым слоем патины, которая наполовину скрывала высеченные на корпусе мелкие письмена.

Затем она вынула кисть, серебряную иглу, лист желтой бумаги и несколько белых листов с надписями. Как только все было готово, бабушка младенца вернулась с чашкой петушиной крови.

Прабабушка достала три ароматические палочки, осторожно подожгла их и велела женщине:

— Иди встань перед столом на колени.

Старуха, не раздумывая, опустилась на колени прямо перед курильницей. Прабабушка подожгла один из талисманов и, размахивая горячей бумагой, начала кружить вокруг курильницы, на каждом круге выкрикивая:

— У людей свой путь, у духов — свой, незванным не приходить! Бог Тигр, яви свою силу, помоги мне изгнать нечисть!

Затем она зачастила заклинания, губы ее двигались так быстро, что слов было не разобрать. Сожгла один талисман, следом другой — всего пять штук. Три палочки в курильнице вдруг одновременно померкли, а затем вспыхнули ярким пламенем!

— Скорее, — крикнула прабабушка, — раздевай ребенка!

Сказав это, она уколола себя серебряной иглой в указательный палец, и на коже сразу выступила крупная капля крови. Прабабушка выдавила ее в чашку с петушиной кровью, обмакнула кисть и быстрыми движениями начертила на желтой бумаге заклинание. Затем, взяв чашку, она подошла к младенцу и начала рисовать прямо у него на животе.

Как только кровь коснулась кожи, ребенок в ужасе забился. Из его горла, которое до этого молчало, вырвался пронзительный, визгливый крик, похожий то ли на плач, то ли на рев дикого зверя — звуки, которые человек издавать не мог.

Когда кисть коснулась нижней части живота, младенец издал еще один мучительный вопль. Прабабушка нажала ему на переносицу, личико ребенка вмиг почернело, словно грозовая туча, и он, открыв рот, попытался что-то извергнуть.

Прабабушка действовала молниеносно: она тут же вонзила серебряную иглу ему в центр губной желобки. Бабушке показалось, что из рта внука вырвался сгусток белого дыма. В тот же миг прабабушка прижала к его лбу желтую бумагу с начертанным символом.

Теперь стало видно отчетливее: на бумаге был изображен тигр. Хотя линий было немного, в клубках дыма образ тигра становился все четче, казалось, он вот-вот сойдет с бумаги, настолько живым он выглядел.

Вскоре белый дым рассеялся, а почерневшее личико младенца начало светлеть. Прабабушка взглянула на ароматические палочки: те, что должны были гореть еще долго, начали таять на глазах, три красных огонька быстро метались, сжигая дерево.

— Быстрее! — прошептала она сама себе и достала из-за пазухи связку старинных серебряных колокольчиков. — Злые духи, прочь! Бог Тигр, расчищай путь, верни душу этого ребенка! Бог Тигр, Бог Тигр, скорее верни его душу!

Она звонила в колокольчики, и бабушка младенца вдруг почувствовала, как вокруг стало холодно. Она посмотрела вниз и увидела, что тигр на лбу ребенка постепенно исчезает — чем бледнее становилось изображение, тем слабее был холод.

Когда тигр полностью растворился, прабабушка перестала звонить и вытащила иглу из губ ребенка. В этот момент палочки догорели, и серый пепел осыпался вниз. Бабушке показалось — хотя, может, это было лишь наваждение — что глаза зверя на курильнице на мгновение шевельнулись, но тут же замерли.

Прабабушка убрала талисман, и кожа ребенка порозовела. Видимо, от укола иглой стало больно, и малыш разразился громким плачем. Он открыл глаза — теперь в них светилось настоящее детское непонимание, он растерянно смотрел на два старых лица перед собой.

Прабабушка перевела дух:

— Хорошо, что осталась одна душа и две части духа, еще немного — и даже Великий небожитель Дало не помог бы.

Бабушка младенца рассыпалась в благодарностях, но прабабушка лишь покачала головой:

— Этот талисман не для таких целей, но спасти жизнь — значит совершить доброе дело.

— Но как же это случилось? И не вернется ли эта нечисть снова? — бабушка все еще дрожала от страха.

Прабабушка твердо сказала:

— Злой дух, изгнанный Богом Тигром, развеялся в прах. Ребенок открыл глаза, значит, опасность миновала. Но, — она указала на старую софору во дворе, — дерево это недоброе. Неважно, верит твой сын в суеверия или нет, сруби его как можно скорее, лучше с корнем. Иначе покоя в доме не будет. Я спасла вас один раз, но второй может не удалиться.

Старуха кивнула, не смея сомневаться в словах прабабушки. Позже она тайком от сына наняла крепких мужчин, которые полдня рубили и выкорчевывали дерево. Корни софоры уходили в землю на три метра, и когда дерево наконец повалили, под ним обнаружили тело помещика, который, как считалось, сбежал. Толстый корень, черный, как уголь, пронзил сердце мертвеца, но тело не разложилось — глаза его были широко открыты, словно человек был еще жив. Рядом лежал сандаловый сундук, полный золота и серебра.

Когда парторг узнал, что мать срубила дерево, он в ярости примчался домой, но, увидев во дворе труп, тут же рухнул на землю и больше не поднялся.

Выяснилось, что парторг давно положил глаз на богатства помещика. В те времена, чтобы расправиться с таким человеком, повод не нужен был: достаточно было провозгласить лозунг о борьбе с угнетателями, разграбить дом, а самого хозяина тайно убить. Опасаясь огласки, он закопал тело и сокровища у себя во дворе, а всем объявил, что помещик сбежал от правосудия.

Но помещик не нашел покоя. Нажитое поколениями добро не должно было достаться врагу. Парторга ждала кара: он без всякой опаски посадил дерево прямо над местом захоронения, и невинная душа, впитав силу дерева, наполнилась тьмой и начала мстить. А душа новорожденного младенца была слабой, вот он и стал легкой добычей.

Старые грехи всплыли наружу. Внука спасли, а сын поплатился жизнью — таков закон возмездия.

На самом деле, Тан Сяожуань думала, что прабабушка специально заставила старуху выкопать дерево. Скорее всего, она сразу все поняла. Ведь в те времена многие так называемые помещики были добрыми людьми, просто их предки оставили им немного земли, а они за это заплатились жизнью. И это было поистине жалко.

Но мать парторга, спасшая внука, об этом думать не смела, а уж тем более — говорить.

<http://bllate.org/book/19154/1880930>